

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ДЕРЖАВИ І ПРАВА; ІСТОРІЯ ПОЛІТИЧНИХ І ПРАВОВИХ УЧЕНЬ

УДК 342.365:342.156:342.514
DOI <https://doi.org/10.32837/chern.v0i2.64>

В. М. Мельник

*кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
преподаватель кафедры философии и общественных наук
Винницкого национального медицинского университета имени Н. И. Пирогова,
главный редактор журнала «Анналы юридической истории»
orcid.org/0000-0001-5640-0351*

АВЕСТИЙСКИЕ КОРНИ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА (ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ)

В статье впервые в украинской историко-правовой науке исследуются вопросы древнеперсидского понимания правосубъектности, отраженные в авестийской религиозной кодификации. Базируясь на классических научных трудах востоковедов, а также на современных исследованиях иранских ученых, автор приходит к выводу об изначальном разделении «Авестой» людей на два сорта – земледельцев-иранцев и скотоводов-туранцев. Формирование имперской идентичности древних персов было тесно сопряжено с дифференциацией окружающих народов на «цивилизованные» и «варварские». Кочевой образ жизни критиковался иранскими священными текстами и приобрел содержание юридической метафоры, упрощавшейся персидскими монархами из разных династий для оскорбления и унижения тех пограничных сообществ, которые отказывались войти в состав персидско-мидийского союза. При этом указанная культурная дифференциация состоялась около VII–VI вв. до н. э., когда были созданы первые тексты «Авесты». Религиозно-мифологический эпос «иранцев» составлялся не столько с религиозными целями, сколько предназначался для обоснования внутренне целостного политического учения о «высших» и «низших» народах. Изучая данную теорию, мы должны сначала рассмотреть общую картину культурно-цивилизационного развития Персидского государства. Особое место в этой картине занимают не только три ипостаси Древнего Ирана (династии Ахеменидов, Парфян и Сасанидов), но и распространение эллинизма после завоеваний Александра Македонского. В частности, в статье упомянуты такие важные аспекты для политико-правовых доктрин различных персидских монархий, как «койне» (микс ближневосточных и древнегреческого языков), дуализм Ормизда и Аримана, влияние памирских культов на социальное мировоззрение античных и средневековых иранцев. Важно, что авестийский принцип дуализма (извечная борьба сил добра и сил зла) автоматически предпологал дуалистическое устройство всего материального мира. В такой мировоззренческой системе, персидская правосубъектность не могла ограничиваться любыми стеснениями относительно «варваров». Следовательно, идеальная авестийская концепция строилась на признании правосубъектным исключительно одного государства – Персии. Автором предполагается, что текст этой статьи должен подразумевать знакомство читателей с хронологией и фактографией персидской истории. Однако, несмотря на первоначальную задумку, необходимо подчеркнуть, что статья может также использоваться в качестве пропедевтического изложения для изучения философского базиса древнеперсидской истории политических и правовых учений.

Ключевые слова: «Авеста», зороастризм, Иран, Туран, персидская государственность, правосубъектность, религиозный дуализм.

Мельник В. М. АВЕСТИЙСЬКЕ КОРИННЯ ДАВНЬОПЕРСИДСЬКОГО ПУБЛІЧНОГО ПРАВА (ПИТАННЯ МІЖНАРОДНОЇ ПРАВОСУБ'ЄКТНОСТІ В РЕЛІГІЙНОМУ ДИСКУРСІ)

У статті вперше в українській історико-правовій науці досліджуються окремі аспекти давньоперсидського сприйняття правосуб'єктності, відображені в авестійській релігійній кодифікації. Базуючись на класичних наукових працях сходознавців, а також на сучасних дослідженнях іранських учених, автор доходить висновку про поділ «Авестою» всього людства на дві «раси» – хліборобів-иранців («колективний Іран») і скотарів-туранців («колективний Туран»). Формування імперської ідентичності давніх персів було тісно пов'язане із психологічною диференціацією навколишніх народів на «цивілізовані» і «варварські». Кочівницький спосіб життя критикувався іранськими священними текстами й набув змісту юридичної метафори, яка вживалась персидськими монархами різних династій для образи і приниження тих «межових» спільнот, які відмовлялись увійти до складу персидсько-мідійського етнокультурного союзу. Водночас зазначена культурна диференціація відбулась близько VII–VI ст. до н. е., коли були створені перші тексти «Авести». Релігійно-мифологічний епос «иранців» записувався не так із релігійною метою, як призначався для обґрунтування внутрішньо цілісного політичного вчення про «вищі» та «нижчі» народи. Вивчаючи цю теорію, ми повинні спочатку розглянути загальну картину культурно-цивілізаційного розвитку Персидської держави. Особливе місце в цій картині займають як три іпостасі Стародавнього Ірану (династії Ахеменідів, Парфян і Сасанідів), так і поширення еллінізму після завоювань Олександра Македонського. Зокрема, у статті розглядаються такі важливі аспекти політико-правових доктрин різних перських

монархій, як «койне» (мікс близькосхідних і давньогрецької мов), дуалізм Ормізда й Арімана, вплив памірських (таджицьких) культів на соціальний світогляд античних і середньовічних іранців. Важливо, що авестійський принцип дуалізму (одвічна боротьба сил добра проти сил зла) автоматично припускав дуалістичний лад усього матеріального («видимого») світу. В такій світоглядній системі персидська правосуб'єктність не могла обмежуватись будь-якими етичними умовностями щодо «варварів». З огляду на це ідеальна авестійська концепція будувалась на визнанні правосуб'єктності виключно однієї держави – Персії. Передусім автором передбачалось, що текст статті мав би бути орієнтований на читачів, добре знайомих із хронологією та фактографією персидської історії. Однак, незважаючи на початкову ідею, необхідно підкреслити, що стаття може також використовуватись як пропедевтична підготовка для подальшого глибокого вивчення філософського базису давньоперсидської історії політичних і правових учень.

Ключові слова: «Авеста», зороастризм, Іран, Туран, персидська державність, правосуб'єктність, релігійний дуалізм.

Melnyk V. M. AVESTIAN ROOTS OF ANCIENT PERSIAN PUBLIC LAW (ISSUES OF INTERNATIONAL LEGAL PERSONALITY IN RELIGIOUS DISCOURSE)

For the first time in the Ukrainian legal history, the article examines the issues of the ancient Persian understanding of legal personality, reflected in Avestan religious codification. Based on the classical scientific works of orientologists, as well as on modern studies of Iranian scientists, the author comes to the conclusion that Avesta originally divided people into two varieties – Iranian farmers and Turanian herders. The formation of the imperial identity of the ancient Persians was closely associated with the differentiation of the surrounding peoples into “civilized” and “barbaric”. The nomadic way of life was criticized by Iranian sacred texts and acquired the content of a legal metaphor used by Persian monarchs from different dynasties to insult and humiliate those border communities that refused to join the Persian-Median union. Moreover, this cultural differentiation took place around the 7th-6th centuries BC, when the first texts of Avesta were created. The religious and mythological epos of the “Iranians” was composed not so much for religious purposes as it was intended to substantiate an internally integral political doctrine of “higher” and “lower” peoples. Studying this theory, we must first consider the general picture of the cultural and civilizational development of the Persian state. A special place in this picture is occupied not only by the three hypostases of Ancient Iran (dynasties of Achaemenids, Parthians and Sassanids) but also by the spread of Hellenism after the conquests of Alexander the Great. In particular, the article mentions such important aspects for the political and legal doctrines of various Persian monarchies as “koine” (a mix of the Middle Eastern and Ancient Greek languages), the dualism of Hormuzd and Ahriman, the influence of the Pamir cults on the social worldview of ancient and medieval Iranians. It is important that Avestan principle of dualism (the eternal struggle between the forces of good and the forces of evil) automatically assumed the dualistic structure of the entire material world. In such a worldview system, the Persian legal personality could not be limited to any constraints regarding the “barbarians”. Consequently, the ideal Avestan concept was based on the recognition as legal personality of only one state – Persia. The author assumes that the text of the article should imply familiarity of readers with the chronology and factography of Persian history. However, despite the initial idea, it must be emphasized that the article can also be used as a propaedeutic presentation for studying the philosophical basis of the ancient Persian history of political and legal doctrines.

Key words: “Avesta”, Zoroastrianism, Iran, Turan, Persian statehood, legal personality, religious dualism.

Термин «Авеста» в перекладі є унікальним авестійським словом полісемантичним. Буквально він перекладається як словосполучення «головний текст». Відомо, що Авеста складалася з двох частин: «Авесты» (так називається Головна книга) і «Зенда» (так називається Пояснювальна книга). В пехлевійській транскрипції «Авеста» перекладається також як «Апастак». Багато російських перекладів з давньоперсидського називають цю пам'ятку «Зенд-Авестой». Суть полягає в тому, що слово «Апастак» походить від давньоперсидського аналога «Уна-Става-Ка» (письмений восхвалений) або ж «Уна-Ста-Ка» («канон», «догма», «уложення», «устав») [2; 3; 17].

Сам текст пам'ятки, якщо вірити зороастрийцям, був складений Зороастром (Заратустрой) – уроженцем належавших персам територій сучасного Азербайджану і заснователем одного з релігійних течень («зороастризм») [19, с. 9–14]. Проблема хронології його життєвого шляху в науковій літературі до сих пор залишається досить спірною. Деякими вченими прийнято відносити час діяльності мислителя до VI або навіть VII вв. до н. е. перебуваючи під покрови-

тельством першого верного ученика (правителя легендарних кеянсько-іранських племен) Кави Виштаспы, Заратустра зміг поширити політеїстичне вчення зороастризма на більшу частину іраномовних племен. Ставши в результаті офіційним персо-медійським релігійним культом, це вчення визнавало дуалізм всіх явищ в природі (іменно дуалізм позитивно сприяв 1100 років сектантсько-маздекитам) [10]. Таким чином, в основі зороастризма знаходиться протиставлення сукупних сил і значень Добра і Зла [20, с. 131–133].

Згідно Заратустри, все Створення було створено Ахурамаздой (в IV в. до н. е. – VI в. н. е. домінував елінізований пехлевійський варіант походження – «Ормізд»). Ахурамазда – Вищий Разум, який поділив все суще на два явища – Аша як Добро і Друдж як Зло. Аша (Добро) є таксисом – порядком і гармонією. Друдж (Зло) – це хаос і деградація. Род людський, таким чином, ізначально розділений не по етнічному, культурному або навіть соціальному признаку, а на ашаванов (несущих добро людям) і друджвантов (несущих зло людям). Справедливий Ормізд вселив во все суще і под-

властное его творению две «мины» («мысли» или «духи» по-персидски) – мину добра Спенту и мину зла Ангра. Последняя, в позднейших эллинистических сочинениях, превратилась в так называемого «Аримана» – духа зла, лжи, разрушения и деградации [13, с. 310–313; 18, с. 139–150].

Итак, сущность зороастрийской религии изначально состояла в прославлении мудрости Ормизда, совершении Добра и противодействии злему духу Ариману [22, с. 172–184]. К духовному дуализму Заратустра примешивал полноценный дуализм любой материальной вещи. Однако, в отличие от интерпретаций позднейшего маздакизма, зороастрийцы всегда почитали мир вещей и эстетику красоты, утверждая, что настоящая Аша может таиться только в эстетически полноценных и нравственно завершенных материальных субстанциях [20, с. 131–133]. Это утверждение было очень близким по духу и этической составляющей мировоззрению большинства древнегреческих философских школ. Вот почему древние греки, после завоевания Александром Македонским Ахеменидской Персии в 333–323 гг. до н. э., очень быстро приняли многие положения зороастризма и открыто позаимствовали у персов данный культ противостояния Добра и Зла, персонифицированный противоборствующими отношениями Ормизда и Аримана [1; 24; 27]. Со временем он перерос в так называемый «митраизм», особо выделявший из авестийского зороастризма солярные смыслы и верования [26, р. 297]. Такой эллинистический митраизм стал распространенной формой зороастризма в Сасанидском Иране III-го века нашей эры и почти не выделялся из ортодоксальной формы данной религии. Достигнув республиканского Рима в I в. до н. э., зороастрийский дуализм трансформировался в еще более углубленное почитание древнеиранского божества Митры римскими воинами, укоренившись и активно распространяясь в гражданской среде вплоть до торжества Христианской Веры в IV в. н. э. [26, р. 297–311].

Важный факт. Авестийский язык, на котором писал Заратустра, «умер» уже в III в. н. э. Если в интеллектуальной сфере он ещё в эллинистическую эпоху уступил древнегреческому (заметим, что распространение несторианства при Сасанидах только укрепило позиции греческого языка, принятого в быту среди несториан, монофизитов, халкидонитов-ортодоксов и даже среди митраистов), то на бытовом уровне Иранского нагорья доминировал среднеперсидский язык. Последний в своем повседневном общении использовали и зороастрийские моветы. В любом случае, персидский вариант древнегреческого языка (так называемый «койне») являлся официальным языком Новоперсидского царства Сасанидов (Эраншахра) с момента воцарения основателя династии Ардашира I (224–239) [27]. Этот «кой-

не» в качестве евразийского «лингва франка» был разработан после смерти царя Азии Александра Македонского (в 323 г. до н. э.), наследовавшими ему правителями т. н. «эллинистических царств Азии», с целью упорядочения межнационального и торгового общения на широком пространстве – от Гибралтара до Кабула. В быту «койне» использовался четвертью населения Ирана, что делало греческий язык не только самым распространенным средством коммуникации, но также и главным языком образования, науки, культуры, искусства и торговли.

Впрочем, позволим себе утверждение, что Авеста – не только важнейший религиозный памятник, но и специфический юридический первоисточник, имеющий особое значение в истории выработки публично-правовых доктрин «высокой» и «поздней» античности [13; 19; 20; 22]. С культовой стороны, Авеста является собранием священных религиозных текстов зороастрийцев, описывающих борьбу Ормизда с Ариманом и воздающих хвалу мудрости и находчивости Ормизда [13, с. 310]. Существующие поныне общины зороастрийцев продолжают использовать две редакции данного источника (вполне в духе зороастрийского дуализма). *Первая редакция*, являющаяся эклектическим сборником различных молитв, притч, рассказов и эпических сказаний о судьбах древних иранцев, используется «для массового чтения». *Вторая редакция*, восходящая к законодательной кодификации сасанидского шахиншаха Хосрова Ануширвана (531–579), более системна, но её чтению вредит утрата большей части идеологически значимых фрагментов (очевидно, во времена кризиса VII века, когда распространился ислам [11; 12; 14]).

По всей видимости, сохранившиеся до наших дней текстовые обрывки второй редакции представляют собой результат законодательной кодификации Хосрова Ануширвана [16]. Речь в них идёт об установлении гармоничного порядка и окончательной победе «иранского» стиля жизни (земледельческого и оседлого) над «туранским» (скотоводческим и кочевым) [23]. В земледелии тексты Авесты видят путь к благому будущему и сущность устройства человеческой природы. По сути, Авеста утверждает, что человек раскрывается и совершенствуется исключительно в процессе обработки земли. Все остальные формы труда есть необходимое дополнение к земледелию [1; 7; 24].

Иран, согласно авестийским нормам, имеет цивилизационную миссию. Он призван упорядочить хаотичную жизнь среднеазиатских народов, сделать их близкими к тайне миропознания – постижению загадочного дуализма бытия. Авестийские молитвы, облеченные в песнопения и стихи, раскрывают содержание справедливого миропорядка, где править должны лишь те, кто

осознал и принял дуализм как субстанциональную догму [18, с. 139–150; 23, р. 453–472].

В Авесте иранцы разработали стройное учение о двойственности содержания и формы окружающего мира. Кроме того, тексты Авесты, крайне интересно «жонглируя» полулегендарными фактами седой древности, называют именно иранцев первым народом мира, познавшим тайну земледелия. Такой мифопоэтический подход был призван влиять на умы народных масс и стимулировать их к завоеваниям, ставшим неотъемлемой составляющей народной культуры персов уже при династии Ахеменидов (558–330 гг. до н. э.) и продолженных авестийцами-Сасанидами (224–651 гг. н. э.).

Исключительная справедливость большинства рассуждений и оценок, разбросанных в текстах, оставшихся от оригинальной Авесты, наталкивается на агрессивное неприятие культуры и общества номадов, а также на узкий этницизм коллективного «Ирана» [7; 21; 24]. Ни одному племени, кроме иранского, не позволено Авестой «властвовать над видимым миром». В этом смысле памятник стал до исключительности востребованной формой государственной идеологии, принятой и обоженной при Ахеменидах, Парфянах и Сасанидах. Иранцы, как и евреи в Торе, объявлялись богоизбранным народом, несущим цивилизацию отсталым варварам [14; 23; 25]. (Справедливости ради заметим, что в современном Сасанидскому Ирану Императорском Риме (включая позднейшую Византию) никогда не существовало подобного этницистского памятника. Римские философы, историографы, писатели относились к варварам и, тем более, к кочевникам с исключительным презрением (*вплоть до того самого момента, когда кочевники стали основными военными союзниками Византии – во второй половине VI века*), но не осмеливались призывать к их полному уничтожению. «Авеста» тем и отличительна, что она проповедует шовинистически-этницистское отношение иранцев к туранцам и ко всем, кто не принимает цивилизаторской миссии персов [см.: 11, с. 59–92; 12, с. 63–108]).

«Авеста» называла иранцев «светом земледелия» и «солнечным народом», людьми, которым самим Богом (по-гречески – «Ормиздом») поручено культивировать семена хлебных злаков на плодородном поле. По сути, «Авеста» утверждает превосходство «иранского типа человека» над всеми остальными и утверждает, что лишь те дикие племена способны «спастись от могущества Аримана», сыновья которых будут верно служить «иранским ариям». В данном случае проблема арийства иранцев проходит красной нитью через правовое тело всех религиозно-юридических аве-

стийских норм, отождествляя божественных ариев с «Ираном» – богоизбранными персами-земледельцами [2; 3; 5; 18].

Ещё выдающийся востоковед Всеволод Авдиев (1898–1978) отмечал, что «Авеста» вполне сохранила догосударственный архаичный стиль мышления разрозненных персидских племен [1, с. 558–560]. Этот сборник даже сохранил до нашего времени текстовые реликты самых древних религиозных верований персов – «горно-персидских». Их особенностью являлось поклонение памирским вершинам (современный Таджикистан), в то время как гимны авестийского славословия Иранской державе (аналог ортодоксально-христианского «диптиха») начинались с восхваления этих «священных гор». Авдиев очень кстати указывал, что даже сам Геродот, анализируя авестийские культы персов-зороастрийцев, писал, что персидские жертвенники Ахурамазде (Ормизду) располагались «на высочайших горах» [1, с. 559]. Из горного культа иранских скотоводов родились более известные сегодня практики поклонения стремительной водной стихии и, в конце концов, огнепоклонство, находящееся в генетическом соприкосновении с таким элементом водной стихии, как гроза. В первом случае вода представлялась древним иранцам силой, рождающей всё сущее, благодаря которой жизнь приобретала материальную составляющую. «В «Авесте» сохранились остатки древнего культа духа воды Апан-Напата, «обитающего в воде»» [1, с. 559]. Однако во втором случае многие иранцы рассматривали огонь как первопричину появления воды (исходя из внешних проявлений грозы). Соприкосновение «огненных» молний с горными вершинами, предварительное появление молний на небе перед дождём создавало иллюзию первенства огня перед водой. Так горный культ изменил представления древних иранцев о взаимодействии воды и огня, создал предпосылки для «огненного детерминизма» в зороастрийской «Авесте».

Так или иначе, но детальный анализ соответствующей литературы позволяет утверждать, что именно архаичный ландшафтный культ, разработанный древнеиранскими скотоводами высокогорий современных Таджикистана и Афганистана, был положен в фундамент древнеперсидской авестийской религии, став идеологической основой для строительства трёх династических ипостасей Персидской державы:

– Ипостась первая – Ахеменидский Иран (558 – 330 гг. до н. э.);

– Ипостась вторая – Парфянский Иран (250 г. до н. э. – 224 г. н. э.);

– Ипостась третья – Сасанидский Иран (224 – 651 гг.).

Литература

1. Авдиев В.И. История Древнего Востока. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1953. 760 с.
2. Авеста. Избранные гимны. Перевод с авестийского и комментарии И.М. Стеблин-Каменского. Предисловие В.А. Лившица. Душанбе : Адиб, 1990. 174 с.
3. Авеста. Хордэ Авеста (Младшая Авеста). Подготовка авестийского текста, перевод, предисловие, комментарий М.В. Чистякова. Санкт-Петербург, 2005. 384 с.
4. Берг Л.С. Климат и жизнь. Москва, 1947. 196 с.
5. Гаты Зарагуштры / пер. с авест., вступ. ст., комм. и прилож. И.М. Стеблин-Каменского. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2009. 192 с.
6. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2014. 480 с.
7. Данилова О.С. Религиозные тексты индоариев (Авеста и Ригведа) и письменные источники Древнего Китая («Исторические записки» Сыма Цяня) как источник по истории ранних кочевников Евразии. *Новая наука: опыт, традиции, инновации*. 2016. № 12–3(119). С. 102–105.
8. Крадин Н.Н. Современная дискуссия о политогенезе у кочевников-скотоводов. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2019. № 1. С. 6–23.
9. Мамонтова Е.В. Символічний ресурс державотворення: сутність, генеза, еволюція: автореф. дис. ... доктора політ. наук : 23.00.02; Національний університет «Одеська юридична академія». Одеса, 2012. 36 с.
10. Мельник В.М. Нариси з теорії соціокультурної антропології. Вінниця : ТОВ «Вінницька міська друкарня», 2015. 552 с.
11. Мельник В.М. Византия, германцы и славяне у истоков международной правосубъектности государств: римское юридическое наследие и проблема исторического неравенства возможностей. *Аннали юридичної історії*. Том 1. № 2. Квітень-липень 2017. Випуск «Городяни і громадяни: історія та антропологія територіальних громад». С. 59–92.
12. Мельник В.М. Смена эпох: очерк формирования римско-византийской доктрины международного права (III–VI века). *Аннали юридичної історії*. Том 2. Номер 1–2. Січень-червень 2018. Випуск «Історія та географія середньовічного права». С. 63–108.
13. Миксюк А.С. Жреческие термины Старшей Авесты. *Молодые ученые в решении актуальных проблем науки*. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2019. С. 310–313.
14. Навіщо нам податки? Держава як спільний бізнес. Нариси за редакцією Наталії Ковалко та Віктора Мельника. Київ: ТОВ «Якабу Паблішинг», 2019. 240 с.
15. Периханян А.Г. *Сасанидский судебник Книга тысячи решений (Mātakdān ī hazār dātastān)*. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1973. 609 с.
16. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. Москва : Наука, 1983. 384 с.
17. Соколова В.С. Авеста. Опыт морфологической транскрипции и перевод. Отв. ред. И.А. Смирнова. Санкт-Петербург : «Наука», 2005. 544 с.
18. Стеблин-Каменский И.М. Авеста и зороастризм: древность и современность (религия и оккультизм). *Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию*. Санкт-Петербург, 2005. С. 139–150.
19. Халиков А.Г. Общая характеристика Авесты как источника зороастрийского права. *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2013. № 6. С. 9–14.
20. Хачатуров Р.Л. Древневосточное право и его нравственные императивы (на примере Авесты). *Евразийский юридический журнал*. 2019. № 1(128). С. 131–133.
21. Ходжаева Н.Д. Историческая география Центральной Азии по данным «Авесты» и пехлевийских источников. Диссертация на соискания ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09. Душанбе, 2000. 129 с.
22. Холикзода А.Г. Авеста как основной источник зороастрийского права. *Юридическая наука: история и современность*. 2018. № 12. С. 172–184.
23. Agostini Domenico. Non-Iranian historical lands in Pahlavi literature. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2019. Vol. 82. Issue 3. P. 453–472.
24. Dandamaev M.A. A political history of the Achaemenid empire. Transl. into English by W. J. Vogelsang. Leiden : E. J. Brill, 1989. XV+373 pp.
25. Johandi A. Mesopotamian Influences on the Old Persian Royal Ideology and Religion: The Example of Achaemenid Royal Inscriptions. *Estonian National Defence College Proceedings*. 2012. Vol. 16. P. 159–179.
26. Mendes I. C. Panorámica historiográfica de los estudios sobre el Mitra védico, avéstico y romano. *Revista de Historiografía*. 2018. Vol. 29. P. 297–311.
27. Shirazi Saeed. A Concise History of Iran: From the early period to the present time. Los Angeles : Ketab Corp., 2018, 355 pp.